ISBN 5-230-02218-3. Творчество писателя и литературный процесс. Иваново, 1993.

Раздел II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ ДЕБЮТЫ

Е.К.СОЗИНА
Уральский университет

ГНОСТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В РОМАННОЙ ТРИЛОГИИ Д.С.МЕРЕЖКОВСКОГО "ХРИСТОС И АНТИХРИСТ" (1896 - 1905)

Исследуется стиль трилогии Д.С.Мережковского в связи с мировоззренческими основами содержания трилогии.

Развитие русского ренессанса начала XX века происходило через активное и напряженное взаимодействие отечественной мысли с самыми широкими культурными пластами прошлых эпох. Роль внутреннего объединяющего центра в процессе их интериоризации и преодоления следует, по-видимому, отвести идее "всеединства", "соборности" или, на уровне художественного и критического сознания, синтеза всех культур, являвшейся смысловым ядром самобытной религиозно-философской традиции России. Однако на пути становления русской метафизики - "софийного идеализма" (А.Ф.Лосев) существовала масса боковых ходов и поворотов, оказавшихся содержательно и ценностно значимыми для мировой культуры. Одним из такого рода "поворотов", а одновременно - постоянным источником оригинальных философских и эстетических построений творцов ренессанса была религиозная философия гностицизма. Ее присутствие прослеживается в учении о Софии Премудрости Божией В.С.Соловьева, в мифологическом символизме Вяч.Иванова, в персоналистическом экзистенциализме Н.А.Бердяева, на исходе лет написавшего совершенно гностическое по духу "Самопознание"... Зародившись во втором веке, в третьем претерпев трансформацию в манихейство, гностицизм явился реакцией на кризис античного мировоззрения, питательной средой и лоном новозаветного христианства[1]. Он

[1] Приведём лишь некоторые русские источники по истории и философии гностицизма: Р а н о в и ч А. Б. О раннем христианстве. М., 1959. С. 306 - 327; Д р е в с А. Происхождение христианства из гностицизма. М., 1930; Т р о ф и м о в а М. К. Историко-философские вопросы гностицизма. М., 1979; С и д о р о в А. И. Плотин

неоднократно актуализировался в европейском сознании и впоследствии - всякий раз, когда давала сбой каноническая церковь и утвержденная "догма" христианства. Кризисом традиционного вероучения и потребностью обновить обветшалые формы и нормы церкви можно объяснить интерес к гностицизму в русской философии и искусстве; учтем также мотив избранничества и "элитарный", эзотерический характер гностицизма, почему он пришелся "впору" воззрениям российских философов.

Путь Д.С.Мережковского на рубеже веков здесь особенно показателен. Ведь именно он отчетливо воплотил в своем творчестве смешение разных эпох, стилей и верований, столь характерное для всего ренессанса. В.Я.Брюсов полагал главным делом Мережковского "культурное строительство", верность "алтарю, на котором разные века писали разные надписи: "эллинизм", "возрождение", "просвещение", "знание"..."[2]. После Вл.Соловьева Мережковский одним из первых как бы заново открыл русским мыслителям гностицизм. Но главное - в его собственном философско-художественном мышлении обнаруживается глубочайшее, внутреннее родство с гностицизмом: в этом плане он необычен и даже уникален среди деятелей ренессанса.

Трилогия Мережковского "Христос и Антихрист" содержит в себе множество отсылок и культурно-исторических аллюзий, иные из которых с трудом поддаются расшифровке. Это неудивительно: писатель стягивал в единый концептуальный узел все учения, противостоящие официально принятым, внушающие надежду на восстановление падающей веры и омертвевшей, по его мнению, церкви. Гностические фрагменты, в которых нередко откровенно цитируются древние источники, занимают здесь немалое место. В "Юлиане Отступнике" прямым проповедником гностических идей выступает философ Ямвлих, учитель Юлиана в юности; в "Леонардо да Винчи" эта роль переходит к колдунье Кассандре; в "Царе Петре и Алексее" гностицизм как некий отзвук или скрытая реминисценция присутствует в проповеди валаамского старца о.Сергия, в описаниях вероучений и мистерий сектантов: раскольников-самосожженцев и хлыстов. Можно, конечно, сослаться на объективную, идущую от реальной конкретики изображаемых явлений близость их к гностицизму (хлыстовство, скажем, повторяло некоторые элементы гностических учений), но в романах Мережковского само постоянс-

и гностики // Вестн. древ. истории. 1979. № 1; О н ж е. Гностицизм и философия: (Учение Василида по Ипполиту) // Религии мира: История и современность. М., 1982; Апокрифы древних христиан: Исслед., тексты, коммент. М., 1989. С. 161 - 334.

[2] Б р ю с о в В. Далекие и близкие: Ст. и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней. М., 1912. С. 57.

тво и настойчивость в проведении тех или иных мотивов маркируют степень их важности для автора – критерий и основу происходящей на наших глазах символизации идей (жанровообразующий признак романа символистов).

Всем памятна знаменитая антитеза Мережковского: Л.Толстой – "ясновидец плоти", Достоевский – "ясновидец духа". В романной трилогии писатель видел свою задачу в художественном изображении соединения "двух правд": христианства – "правды о небе" и язычества – "правды о земле"[3]. Каждый главный герой воплощал одновременно и одну из этих крайностей, и возможность потенциального синтеза, отсюда шла их раздвоенность. Лишь в последнем романе Петр и Алексей относительно (в указанном плане двух крайностей) монолитны; тем показательнее их дуализм – совершенное разведение как полярных художественных образов. А.С.Долинин указывал на следование концепции Мережковского гегелевской логике диалектического развития[4]; близость мыслей Мережковского учению о развитии богочеловечества Вл.Соловьева исследовала З.Г.Минц[5]. Но сам характер антитез Мережковского, наряду с неясностью в утверждении конечного синтеза, его упорство в подчеркивании именно контрастности "плоти" и "духа" заставляют обратиться к гностицизму, где эта антиномия, пожалуй, впервые для европейского сознания была представлена столь же остро и болезненно.

Яркой особенностью гностических апокрифов является дуализм, диадный способ как мышления, так и стиля. По словам исследователей, первый спекулятивный принцип гностицизма монистичен, первый экзистенциальный дуалистичен: "Человек и божество едины по своей сути, но отделены друг от друга миром"[6]. Ибо Бог как верховное существо, носитель откровения – и бог как творец – создатель мира в гностицизме прочно разделены. Так, согласно учению Василида, верховный Бог – "Ничто", "не-сущее" через долгий путь эволюции, а точнее де-

[3] М е р е ж к о в с к и й Д. С. Христос и Антихрист: Трилогия: В 4 т. М., 1989. Т. I. С. УI. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи в скобках: римская цифра обозначает том, арабская – страницу (за исключением предисловия Мережковского, где пагинация дана также римскими цифрами).

[4] Д о л и н и н А. Дмитрий Мережковский // Русская литература XX века, 1890 – 1910 / Под ред. С.А.Венгерова. М., 1914. Т. I. С. 311.

[5] М и н ц З. Г. О трилогии Д.С.Мережковского "Христос и Антихрист" // Мережковский Д.С. Христос и Антихрист. Т. I. С. II.

[6] Т р о ф и м о в а М. К. Указ. соч. С. 22.

волюции, порождает демиурга, который и создал космос вместе с земным миром. Дальше же, после своеобразного "очищения" земного от "зла" материи, от ошибочности бытия, должно произойти воссоединение, "восстановление всего" – нечто вроде синтеза в Духе Святом. Осуществится это через "Благую весть", равносильную знанию, или гносису, путем которого должен идти человек, если он хочет обрести спасение[7].

Н.А.Бердяев отмечал, что "плоть" Мережковского не совсем плоть в обычном понимании и не та материя, что обычно мыслится в философии: это "тело культуры"[8]. Таким образом, мышление писателя можно определить как дуалистическое и монистическое одновременно. Оно монистично, ибо материя ("плоть") для Мережковского является, скорее, методологически-логическим принципом, чем конкретным принципом материальности мира (хотя подчас он столь прочно разделял "дух" и "плоть", свет и тьму, что можно было бы подумать о влиянии на него манихейства). Признать сознание писателя монистичным следует еще и потому, что он защищает идею синтеза двух разведенных в истории, в земной реальности начал (не победу света над тьмой, как в иранских религиях). Сходный характер носила картина мира у гностиков.

Позднее Мережковский приходит к мысли об ошибочности своих построений: "Но, кончая (трилогию. – Е.С.), я уже знал, что соединение Христа с Антихристом – кощунственная ложь, что обе правды... уже соединены во Христе Иисусе... что в Нем Едином – не только совершенная, но и бесконечно совершаемая, бесконечно растущая истина, и не будет иной" (I, УI). Следовательно, материя и зло, Антихрист и "плоть" отождествлялись писателем. Это позволяет "снять" самое существенное возражение против гностицизма Мережковского, ибо для гностиков "плоть" была злом несомненным, ее нужно было преодолеть, но и она подлежала преображению на "новой земле"[9]. Преображение "злой" материи подразумевалось у учеников Василида в мифе

[7] Мы представили суть учения Василида по Ипполиту. В изложении других христианских ересиологов – Иринея и Епифания оно выглядит несколько иначе (см.: С и д о р о в А. И. Гностицизм и философия. С. 159 – 183).

[8] Б е р д я е в Н. Sub specie aeternitatis: Опыты философские, социальные и литературные (1900 – 1906). СПб., 1907. С. 349 – 353.

[9] Здесь несомненна перекличка гностиков с посланиями св.апостола Павла, которые активно использовал Мережковский в период написания трилогии и исследования "Лев Толстой и Достоевский". Но в Новом завете гностические элементы всего сильнее именно в посланиях Павла.

о свете луны и звезд, несущем к Богу его "благо", а также в мифе об очищении и спасении Души[10].

Одна из центральных проблем и Мережковского, и философов-гностиков – взаимоотношение человека и мира, человека и Бога, а через человека – Бога и мира, хотя нельзя не заметить, что проблема эта волновала многих и в разные времена. Здесь речь идет об остроте и актуальности ее постановки. Подход к решению мог быть разным: от человека, от Бога, от мира. Вариант гностицизма гласил "от человека", что, впрочем, было равносильно пути "от Бога". "Ибо основа мира – человек"[11]: обращенность к человеку, упование на его индивидуальное прозрение, совпадающее с восхождением к "горнему" миру и завершающееся слиянием с божеством, мыслимое как путь озарения, мистического экстаза (путь избранных), обнаруживает коренное отличие гностицизма от канонического христианства. Не просто вера, как утвердилось в христианстве, а именно знание-переживание (гносис) ведет к спасению.

Исключительную роль у Мережковского играет образ ищущего, странника, который проходит через различные философские и религиозные системы и ни на чем не может остановиться (Юлиан, Арсиноя, Леонардо да Винчи, Джованни, Тихон Запольский). Но характерно, что обретение последним из "искателей" трилогии – Тихоном Запольским конечного "знания", которое нисходит на него через откровение, сопровождаемое глубочайшим душевным переживанием, и картина его видения завершают все три книги романов.

Отметим еще одно существенное различие гностицизма и христианства: если последнее говорит о сопричастности человека высшей силе ("благодать"), то гностицизм утверждает отождествление носителя гносиса и божества, единосущность, а не подобие человека и Бога. У Мережковского на Тихона нисходит именно "благодать", но – путем гностического откровения; он прошел все возможные искусы и приобщился к разным верованиям. Всего интереснее, что настоящим гностиком предстает в романах Мережковского не только учитель Юлиана Ямвлих, но и старец с острова Валаам, постник и схимник о. Сергий. Наставляя Тихона в молитве, он говорит: "И увидишь внутри сердца Свет несказанный. <...> Тогда – тишина великая. Тогда – исступление великое, и человек уже не знает, в теле он или без тела. Тогда – ужасание и видение Бога. Тогда человек и Бог – одно. Тогда совершается слово пророческое: Бог богом соединим же и познаваем. То есть молитва умная, чадушко!" (IУ, 277). В последнем романе Мережковского с Иисусом (и с Богом-Отцом) отождествляет себя царь Петр, новым Христом видится царевич Алексей в сознании народа. Через искус отождествления с Богом проводит писатель многих героев.

[10] Последний миф был особенно значим для Вяч. Иванова. Текст его см.: Толкование о душе // Трофимова М.К. Указ. соч.

[11] Евангелие от Филиппа // Апокрифы древних христиан. С. 282.

В целом и император Юлиан, и Леонардо да Винчи – это именно гностики, стремящиеся к соединению несходного, к примирению разного. Особенно показателен образ Леонардо, который у Мережковского несет ощутимый налет "сверхчеловека", ибо его внутреннее знание недоступно миру, он выше всех. Но дело в том, что ницшеанство в смысле теории "сверхчеловека" прекрасно уживается с мотивом избранничества и силы слабого, обретаемой гностиком.

Гностицизм прослеживается не только в миросозерцании автора трилогии, но и в ее построении, в самой поэтике.

Экзистенциальный дуализм гностиков находил выражение в утверждении своеобразной амбивалентности любого образа, слова и символа; она обозначалась с помощью оппозиций – противопоставления смешанного, тленного и разделенного единому и вечному. Кроме того, в гностических памятниках часты оппозиции более конкретного характера: правого и левого, верха и низа, мужского и женского. Но, несмотря на контрастность, полного разрыва между противоположностями не было, они выступали как взаимозаменимые начала. Единому как собиранию одного сопутствовало разделение чуждых[12]. Приведем в этой связи лишь один фрагмент из гностического Евангелия от Филиппа: "Свет и тьма, жизнь и смерть, правое и левое – братья друг другу. Их нельзя отделить друг от друга. Поэтому и хорошие – не хороши, и плохие – не плохи, и жизнь – не жизнь, и смерть – не смерть. Поэтому каждый будет разорван в своей основе от начала. Но те, кто выше мира, – неразорванные, вечные"[13].

Как упоминалось выше, принцип контрастных оппозиций и на глобальном, содержательно-концептуальном уровне ("дух" – "плоть"), и при изображении конкретных персонажей (раздвоенность главных героев) – сущностная характеристика художественного мышления Мережковского в романах трилогии. Через все три книги проходит типично гностический лейтмотив "небо вверху – небо внизу"[14]; он не исчезает

[12] См. об этом: Трофимова М.К. Указ. соч. С. 32 – 37.

[13] Апокрифы древних христиан. С. 275.

[14] В комментарии З.Г.Минц к используемому нами изданию Мережковского указано, где в трилогии возникает этот мотив.

даже из третьего романа, где сам исторический материал, казалось бы, не очень располагает к гностическим заимствованиям. Так, в начале романа "Царь Петр и Алексей" недовольные правлением Петра люди изображены сидящими "на плоском плоту, едва черневшем между черным небом и черною водою, маленькою кучкою, одинокою, потерянною, как будто повисшею в воздухе между двумя небесами" (IУ, 63). В финале же Тихон видит на острове Валаам, куда пришел он в поисках истинной веры, "озеро, все такое же тихое, гладкое, бледно-голубое, с отраженными белыми круглыми большими облаками – как бы другое, нижнее небо, совершенно подобное верхнему" (IУ, 274 – 275). Таким образом, Мережковский вводит мотив уподобления и смыкания "верха" и "низа", данный в памятниках гностицизма в знаково-символической, чисто номинативной форме, в сферу поэтики: защищаемая им идея взаимопроникновения и конечного единства "двух бездн", "двух правд" получает многозначное эмоционально-изобразительное подкрепление.

Созданию стиля, основанного на взаимозаменимости противоположного, текучести и вариативности символов, помогает еще один прием, общий для романов Мережковского и гностических апокрифов, – зеркального отражения-удвоения. В романе "Леонардо да Винчи" Джованни – вечно сомневающемуся во всем герою-"искателю" – кажется, что "Леонардо и Мона Лиза подобны двум зеркалам, которые, отражаясь одно в другом, углубляются до бесконечности" (Ш, 203). В третьем романе царь Петр отражается в лице Алексея "точно в вогнутом зеркале" (IУ, 229). Еще раз подчеркивается мысль, что в обоих есть "внезапное, странное, как будто призрачное сходство – в противоположностях подобье" (IУ, 229). Столь же "противоположно-подобное" видится Тихону в лицах Петра и Леонардо (IУ, 185): словно он сам выполняет уготованную автором роль зеркала, обнажающего скрытое родство разделенного в земном и историческом бытии. Благодаря эффекту зеркального, водного или даже мыслимого отражения, героям Мережковского, как на заре христианства – философам-гностикам, открывается путь самопознания, сливающегося с познанием мира: через отражаемое полнее становится отражающее.

Принцип отражения и раздвоенности единого распространяется в трилогии Мережковского на композицию образов. Каждый главный герой, выражающий основную мысль автора, имеет своих двойников, но двойников, каким-то образом восполняющих его "ущербность". Юлиан, Леонардо, Петр и Алексей несут в себе гипертрофированно развитое одно начало, заражены некоей пламенной "идеей-страстью": это их сознательный, ментальный слой. На реально-жизненном, полубессознатель-

ном уровне, не видимом ими и обнажаемом автором, они тянутся к чему-то иному – к другой крайности, отвергаемой сознанием (Юлиан, к примеру, стремится возродить древних богов Эллады, но, будучи заражен духом ненавистного христианства, невольно охристианивает языческие культы). Однако рядом с ними обязательно присутствует персонаж, который путем искания и ошибок приходит к мысли о необходимости синтеза крайностей и вещает о том на страницах романа, хотя в собственной жизни он не может воплотить искомый идеал, или воплощает его чисто декларативно. Таковы Арсиноя, Джованни, Тихон, отчасти сам царевич Алексей как "двойник" отца. Кроме того, в каждом романе обязательно есть скрытый "рупор" авторских идей – сквозной женский образ Белой дьяволицы. Это Кассандра, Ефросинья, Арсиноя первых страниц книги о Юлиане-Отступнике: им "знание" дано на интуитивном уровне изначально, и они же своим телесным обликом выражают идею красоты плоти, неприменимости к ней этических и аскетических категорий (здесь сказался отзвук ницшеанства и эстетизм общей позиции декадентов), но вместе с тем – тайну "неотраженной" природы, ищущей "отражения" – света человеческого сознания.

Философию гностицизма, в отличие от наследия античности, А.И.Сидоров удачно назвал мифологией диалектики: это мифологизация и образное изображение абстрактных логических и философских категорий и сущностей[15]. "Истина не пришла в мир обнаженной, но она пришла в символах и образах"[16]; "Верх открыт нам, которые внизу, чтобы мы вошли в сокровенное истины. <...> Но мы проникаем туда путем символов презираемых и вещей слабых. Но презираемы они перед лицом славы совершенной"[17], – говорится в Евангелии от Филиппа.

Своего рода мифологизацией идеологемы можно назвать и трилогию Мережковского. Образно-символический язык гностицизма не случайно так хорошо вписался в стилистику автора-символиста: имена и образы мыслей в гностицизме имели полное, материальное право на существование, занимая свои места в его космологии. Аналогично тому, образы идей Мережковского в обличье литературно-исторических героев зажили своей собственной жизнью в его романах.

Получено редколлегией 20.II.91.

---

15 С и д о р о в А. И. Плотин и гностики. С. 67.
16 Апокрифы древних христиан. С. 284.
17 Там же. С. 295.